

Эликсир любви

Петру Павловичу Полушкину с женщинами не везло с детства. Девочки с ним не дружили ни в детском саду, ни в школе. Было в нём что-то такое, что не просто не привлекало, но и отталкивало вторую половину человечества. Вот таким уродился.

Петя был невысок ростом, с лицом, похожим на блин. Жиденькие, как пакля, волосы украшали чело. А нос был произвольно-курносо прилеплен какой-то веселенькой уточкой. Глаза неопределенно-водянистого цвета, как на фотографиях тридцатых годов. Они стремительно бегали по кругу, когда его посещала очередная мысль. А мысли у Петюни бежали, одна нагоняя другую, не давая спокойно жить ни минуты.

Окруженный заботой матери, заслуженного учителя Советского Союза, и книгами, оставшимися от рано ушедшего отца-писателя, который сочинял длинные и скучные исторические романы, Петя с детства увлекся чтением. К учебе подходил с недетским старанием и любознательностью, даже дотошностью. Энциклопедические знания влетали в него какими-то терабайтами, если представить его голову как компьютер. Всё это энциклопедическое богатство оседало в Петюкиной голове и бродило подобно медовой бражке, выдавая «на гора» Нечто, что приводило в полный ступор и молодых и седовласых учителей. За что за Полушкиным закрепилось прозвище «Параллелограмм». Никто из одноклассников не сокращал прозвище, а произносил полностью и по слогам все десять лет. Учителя нашли применение голове Параллелограмма, и он принес множество побед во всех мыслимых и немыслимых олимпиадах по самым разным предметам. Учился он в элитной школе, что находилась в самом центре областного сибирского города.

Несмотря на слабое здоровье, сверстники относились к Петюке достаточно уважительно, насколько можно уважать «ботаника». Не унижали, в общем. Может потому, что с ним было интересно. Любой предмет или явление, попавшее в его поле зрения, вызывало у него восторг, удивление и исследовательский зуд.

Тысячи вопросов неслись конницей и не давали юному Полушкину отдалиться, как все дети, играм и радостному наслаждению жизнью. Он всё осмысливал, познавал, изучал, исследовал и, когда на него свалился трепетно-розовый юношеский возраст, он застал его врасплох.

В эту пору забываешь дышать, глядя на завиток волос, упавший на тонкую и нежную девичью шею. Что говорить про физкультуру, когда вся мальчишеская мысль и суть собирается в районе паха, мороз идет по всей коже как электрический ток, а слух отключается как у глухаря на токовище.

Не миновало это тяжкое испытание и Петю, но фантазии его были сочнее и ярче, а мечты замысловатей и причудливей, чем у сверстников. Одноклассники же, в отличие от него, времени не теряли, а познавали загадочный и манящий мир девчонок разными еще невинными играми, обжиманиями и тисканиями. Они подкарауливали этих загадочных существ в разных укромных уголках, хватали за оформлявшиеся округлости, неумело и

неуклюже прижимая к себе. Те громко визжали и убегали, делая вид, что им это не нравится. Два мира тянулись друг к другу, не понимая еще этого щемящего взаимного притяжения.

От Пети же все девчонки шарахались как от прокаженного. Даже всеми забытая и ничемная одноклассница не удостоивала его вежливым вниманием. Для девочек его как бы не существовало как противоположной особи. Необъяснимо.

Но в ночных юношеских фантазиях он был герой. Мама понимающе стирала «накрахмаленные» созревающим сыном простыни. Вот тогда Полушкин и задался первым подлинно научным вопросом: «Что же такое любовь?» И это главное «почему» раздробилось на десятки маленьких «почему». Ответ на эту загадку он искал долгие-долгие годы, пока не сделал подлинно научное открытие.

Раннюю юность удалось миновать без больших потерь и эксцессов, и школа осталась позади. Петя нацелил свой взор на областной университет. Вняв напутствию Пифагора «Человек – мера всех вещей!», Полушкин пошел на штурм факультета микробиологии. Факультет сдался почти без боя перед энциклопедичностью и обаянием ума абитуриента.

Пять с половиной лет пролетели быстро. Очень редко Петруху приглашали на студенческие пирушки и вечеринки, по причине всё того же неприятия его персоны слабым полом. Но и на тех увеселениях, куда ему удавалось попасть, очень рано проявилась его предрасположенность к алкогольным возлияниям. И он очень рано начал уходить в тихий безвредный домашний запой. Боль от женского неприятия это средство на время снимало, но проблемы никак не решало.

Микробиология стала отдушиной и смыслом жизни Полушкина. Он закончил университет, и аспирантура стала логичным продолжением развития молодого нестандартного ума, которую он проскочил как-то играючи и легко, защитив серьезную научную работу, которая была посвящена проблематике какого-то искусственного микробиологического синтеза каких-то то ли геномов, то ли еще чего. В общем, диссертация удалась, и Петр, как шар в лузу, влетел на равных в сообщество ученых Академгородка.

Лаборатория, куда он попал для научной деятельности, была оснащена по последнему слову техники. Советская наука в академгородках и «ящиках» финансировалась тогда очень щедро. Полушкин погрузился с головой в познание тайн природы живого во вселенной на молекулярном уровне. Это глубокое погружение прервал случай.

Случай предстал в лице уборщицы с несовременным именем – Клава. Никто и никогда не смотрел на неё как на женщину, не удостоивал её даже взглядом. Как она попала в НИИ Микробиологии - никто не знал. Родом она была из какой-то глухой-преглухой мордовской деревни и отличалась непроходимой тупостью, была молчалива, а если говорила, то каким-то низким неприятным скрипучим голосом, и от этих звуков хотелось побыстрее сбежать. Она целыми днями что-то мыла и терла. Фигура у неё была какая-то

угловато-прямоугольная, а лицо тесано будто топором. Брутальная такая внешность была у Клавы.

Слыла она ходячим анекдотом института, так как её глупость давала множество поводов для острых на язык ученых. Ну, и присочинить любили. Нужен был лишь объект. Клава подходила для этого идеально.

Как снюхались Петр с Клавой, никто не знает. Как-то так раз, и вышло.

Она была первой, кто не отверг Полушкина. Они очень тайно и тихо расписались к несказанной радости тяжелой Петинной матери.

Оба лишились девственности в неумелую первую брачную ночь, после которой Клава сразу же и понесла, не познав всех прелестей брачных ночных утех. И потеряла к «этому делу» интерес. К большому огорчению выстоянного годами ожидания близости молодого супруга.

В институте Полушкин тут же приобрел этакий веселенький анекдотический ареол, став любимой темой в курилке.

Супружница родила Пете дочку и, когда той исполнилось два месяца, собрала вещички и, позвонив Полушкину с вокзала, умотала в неведомые мордовские дали, попросив её не искать. Фантом, осветивший на миг Петькину жизнь, исчез так же, как и появился.

Полушкин еще какое-то время погрузился по несостоявшемуся отцовству, а потом перестал и грустить, и искать Клаву, но очень долго, трудно и нудно оформлял развод. Оформил. Нашлась экс-супруга лишь через двадцать лет, и не сама, а в лице дочки, такой же угловато-корявой с лицом-«блином», но, в отличие от Клавы - редкой умнички.

К безмерной радости коллег, искря парадоксальными научными вопросами и озадачивая всё окружающее научное сообщество, Петр вернулся в науку. Но микробиологии ему было мало в его научных изысканиях, и он поступил на химико-технологических факультет заочно. Незаметно его окончил, написал опять диссертацию и защитил. Ученый стал двойным кандидатом наук, и мог проводить свои эксперименты уже в двух научных корпусах Академгородка.

Были у Полушкина и сторонние научные поиски. Вдруг он открыл секрет НЛЮ, считая это изобретением американских секретных служб. В основе принципа движения неопознанных объектов, считал ученый, были заложены неизученные мировой наукой закономерности турбулентности воздушных потоков и эффект резонанса. Ученый опубликовал научную работу и изготовил макет, который летал непонятно на какой энергетической основе, вызывая завистливый блеск в глазах коллег. Тарелку крутили и вертели в руках, но принципы полета, невиданной скорости и бесшумности движения

были непонятны даже ученым. Тема была перспективна, и золотой блеск грядущих премий звал и манил Полушкина. Но случился один казус.

При очередном запуске мини-НЛО на службу мирно шествовал вдалеке убеленный сединами и отягощенный научными званиями директор НИИ физики в модной тогда каракулевой шапке-пирожке. Ему вот-вот должны были дать звание член-кора Академии наук – венец его научной карьеры. Директор шел вдоль соснового бора, любясь на белок, меняющих летнюю шкурку на зимнюю, и разучившихся уже давно добывать свой орехово-грибной беличий «хлеб». Белки давно стали друзьями-попрошайками доброго и умного населения академгородка.

Изготовившись покормить особо настойчивую и симпатичную попрошайку, директор всея физики нащупал в кармане твидового пальто кедровые орешки. Но тут светило советской науки что-то ударило по голове, сбив дорогой «пирожок» и оцарапав до крови лысину.

Управлять траекторией полета мини-НЛО ученый Полушкин еще не научился. Попав в такую «цель», и чуть не снеся бесценную голову, ученый нажил себе огромные неприятности, ибо через неделю вышла большая разгромная статья «О волюнтаризме и маниловщине молодых ученых». Чуть не разнесенная на осколки голова не оставила камня на камне от Петинского открытия. Проект быстро закрыли, а Полушкина вызвал парторг и настоятельно порекомендовал заняться более мирными научными исследованиями.

Спустя много лет центральным издательством была опубликована книга Полушкина, раскрывающая тайну НЛО, где уже в публицистической форме ученый рассказывал миру о своем научном открытии. Но мир в этот момент был занят другими проблемами, и новые средства передвижения остались приоритетом американских спецслужб.

Но главную свою тему, «Загадку Любви», Полушкин никогда не оставлял, занимаясь самыми разными научными исследованиями. Любовь все так же обходила стороной ученого. Свою тоску он по-прежнему подправлял домашним запойным лечением.

Но прогресс во взаимоотношениях с противоположным полом всё же наступил. С Полушкиным стали вести высокоумные разговоры научные дамы, разные поэтические особы и театральные нимфоманки. Всё ограничивалось лишь разговорами, и, стоило ученому сделать малейшую попытку приближения, женщины исчезали как мираж. Он уж и не пытался более, но попал в поле зрения одной околотеатральной богемной поэтессы - извращенки. Особа эта, насытившись всеми видами и способами сексуальных экспериментов с обеими половинами человечества, сформулировала своё кредо так: «Сплю с теми, кто мне более всего отвратителен» и взяла ученого в оборот.

Два месяца она буквально насилвала Петруху, научив его немислимым видам сексуальных утех. Но когда отгалкивающий магнетизм личности ученого стал незаметен для поэтессы, то она его бросила, как использованную салфетку.

Полушкин ушел надолго в научный отпуск-запой, во время которого умерла его единственная женщина, которая любила его по-настоящему – мама. Выйдя из прострации, он с усиленным рвением ушел в научную работу, разгрызая, как белочка орешки, малые попутные научные задачи. Но главной его научной страстью была по-прежнему Любовь. Над его рабочим столом дома висела напечатанная на твердой глянцевой бумаге мысль:

«Человек - это большая, очень большая фабрика. Миллионы химических реакций, напряжение электрических полей, электромагнитные волны в голове, гидравлический насос в грудной клетке... Но самым важным для продолжения жизни (и в том числе - на Земле) является "цех", в котором варится химический бульон любви».

Полушкин всю свою научную гениальность направил на поиск тайны любви.

Спал он по пять часов в сутки. В его научном дневнике того времени можно увидеть такие записи: «Гипоталамус – отдел головного мозга, состоящий из многих вегетативных и нейросекреторных ядер. Связь этих ядер с другими отделами головного мозга, вегетативной нервной системой и лимфатической системой обеспечивает участие гипоталамуса в управлении абсолютно всеми физиологическими процессами.

Гормоны гипоталамуса – пептидные: окситоцин, вазопрессин, АДГ, а также рилизинг-факторы, которые обеспечивают управление гипофизом – центральной эндокринной железой».

А ученый всё шел и шел к своей научной мечте. Далее следовало самое важное:

«Окситоцин и вазопрессин, выработка которого преобладает у самок, – два пептидных гормона, синтезируемые передней долей гипоталамуса, и затем поступающие в заднюю долю гипофиза (нейрогипофиз), откуда они выделяются в кровь. Оба гормона вызывают повышение полового влечения – проявление сексуальной энергии, или либидо.

При введении окситоцина самкам мыши достоверно повышается тенденция самок к спариванию...

Действие окситоцина сочетается с функционированием дофаминовой системы, подкрепляющей и усиливающей стимулы, мотивацию.. Одновременное действие окситоцина и дофамина приводит к развитию эйфории и привыкания к сексуальному партнеру.

Дофаминозависимые участки мозга способны активизироваться и негормонально, по нейрональным путям. Но в этом случае эффект будет не таким сильным. При этом возникает нечто вроде платонической любви. Такое, например, может происходить у матерей, когда они созерцают фотографии любимых чад, а также у супружеских пар.

Другой гормон, сходный по строению и функциям, – вазопрессин. Ген рецептора вазопрессина AVPR1A ассоциирован со способностью человека к глубоким отношениям (эмпатии) и к самому выбору партнера, от чего зависят удачи в браке».

Ученый путем невиданно сложного химико-биологического синтеза выделял по миллиграммам интересующие гормоны. Извел на свои эксперименты тысячи мышей. В итоге он получил первые миллиграммы, а затем и граммы своего «Эликсира Любви»; состоящий из нескольких гормонов, состав мог запускать химико-биологический процесс под названием «Любовь».

Он решил провести свой первый эксперимент уже не на грызунах, а на человеческой особи противоположного пола, выбрав в подопытные одну особонаучную даму по прозвищу «Синевласка», так как волосы на голове она красила в ядовито-синий цвет. Во время научной беседы дама убыла в туалетную комнату, и Полушкин кинул ей в чай мельчайшую частицу вещества.

Дама допила чай, продолжая изрыгать из себя свои научно-паранормальные речи, от которых даже Петра бросало в озноб. Минут через сорок дама вдруг воззрилась в собеседника взглядом оголодавшей до предела волчицы, и у неё вспотели очки.

Полушкин понял, что пора делать ноги, так как из памяти еще не выветрилась поэтесса со своими кожаными «штучками» и одеяниями. Он быстро, как бы на минуту, вышел из конференц-комнаты и, окрыленный успехом, понесся домой записывать новые научные данные.

Этим дело, однако, не кончилось. Через два дня Синевласка перекрасила волосы в бордово-красный цвет и сменила привычно-серый наряд на пронзительно-зеленый жакет-жабо. Началась осада ученого Полушкина. Она подкарауливала его в коридорах, организовывала какие-то научные встречи, стремительно надвигаясь на него своей тощей грудью. Ради результата научного эксперимента ученый стоически терпел приступы женского внимания. НИИ же получил новую пищу для зубоскальства. Ученый взял отпуск, но дама не оставляла его в покое.

Она находила его в самых невероятных местах, признавалась в неземной любви и готовности отдать свою незапятнанную девичью честь и достоинство, которых никогда не касалась ничья мужская рука, только Ему, который разбил её сердце вдребезги.

Осада длилась месяца три, после чего влюбленная как-то разом поблекла, начес на голове куда-то исчез, и в зубах появилась привычная беломорина. Она еще с месяц ходила какая-то потерянная, пытаясь понять, что же с ней произошло. Какой это такой амур сумел пронзить её железные доспехи, в которые она заковала своё девичье сердце. И набегало что-то томное, когда она встречала в институтских коридорах Полушкина. Какая-то вселенская тоска опускалась на измученную душу. И она начала избегать встреч с недавним возлюбленным.

Петр Полушкин же, поняв, ЧТО он синтезировал, потерял интерес к занятиям наукой, и лишь числился в двух институтах, где платили по нынешним меркам мало, ведь начались двухтысячные. Он провел еще три эксперимента, чтобы утвердиться в своих научных выводах. Один раз неудачно, так как средство подействовало, но объектом любви оказался не он, а его сосед по столику в кафе. Из чего он сделал научный вывод, что с «жертвой» на момент «инициации» нужно быть «один на один».

Неожиданно для всей городской общественности стала любовницей Полушкина ведущая актриса областного театра. Все пожимали плечами, мол, «любовь зла...»

Полушкин облысел уже давно, лицо стало еще более блинообразным, и он начал носить очки-пенсне, что делало его внешность еще более печально-комичной. Он занялся научной публицистикой, печатался в западных журналах, что давало ему очень хороший доход и массу свободного времени, которое он тратил на женщин, как застоявшийся в стойле жеребец, выпущенный в табун лошадей.

Теперь он смотрел на них твердым взглядом, уверенного в себе мужчины.

И беда, если женщина бросала негодующий и пренебрежительный взгляд на Полушкина. Красавица могла попасть по воле ученого в его любовницы, как возомнившая что-то

о себе муха, которая обсмеяла паука за то, что тот не умеет летать. Но все это быстро надоело тайному гению, и он решил жениться.

Выбор его пал на добрую и милую девушку Машу, двадцати восьми лет, из оборонного городка-спутника. Она работала медсестрой, и была обычной провинциалкой. Не наделенная особой красотой и какими-то талантами, Маша была невероятно миловидна и обладала ровным, неконфликтным характером.

Очень долго и аргументировано ученый уговаривал медсестричку поужинать с ним у него дома. Он считал это каким-то особым шиком, так как чувство вкуса у него отсутствовало начисто. Маша, чтоб отвязаться от столь неприятного и навязчивого, но безобидного по её мнению, ухажера, согласилась приехать с подружкой.

Титанических усилий стоило Полушкину перемыть горы грязной посуды и вынести весь мусор, копившийся месяцами. До подобия порядка в квартире было еще очень далеко, но устремленный в будущее «решатель судеб» не замечал этого.

Он мнил себя мужчиной не без кулинарных способностей и решил поразить избранницу и её подружку своим фирменным блюдом: «чахохбили». Кто хоть раз отведал Петино «чахохбили», даже под водочку, включая непритязательных мужчин-ученых, не могли забыть этого никогда. Во второй раз откусать «фирменное блюдо» они согласились бы разве что под конвоем, ибо угощение вызывало устойчивую тошноту и нежелание жить. В

ученой среде «чахохбили» от Полушкина было знаменито так же, как когда-то уборщица Клава. Всей этой своей нелепости ученый не замечал, ибо был «не от мира сего».

Накрыв на кухне красивый стол с грязными подсвечниками и дешевыми парафиновыми свечами, на салфетках кое-где были пятна, а на подчищенной газовой плите «попахивало» чахохбили.

Раздался звонок в дверь, и вошли Маша с подругой, в нос которым сразу бросились запахи запущенной до предела холостяцкой квартиры и «кулинарного шедевра». Галантный ухажер помог подругам раздеться и проводил к столу, водрузив на стол своё «фирменное блюдо». Чувствительных подруг сразу начало чуть подташнивать, но из воспитанности они крепились и твердили, что невероятно сыты, и убедили таки гостеприимного хозяина повременить с вкушением пищи.

Машина подруга, чтобы побыстрее покинуть украшенный стол, попросила налить вина, которое было действительно достойным. Хозяин откупорил бутылку и налил вино в мутные бокалы. Подруга выпила его залпом и попросила еще. Выпив еще бокал, она попросила поставить какой-нибудь детектив в другой комнате, что де она понимает – людям поговорить нужно....

Маша зыркнула на неё взглядом, бросаемого в воду котенка. Хозяин предложил пройти подругам в комнату. Ему ничего не пришлось выдумывать, чтоб остаться с Машей наедине. Выходя, Полушкин кинул приготовленную микрочастицу своего «Эликсира Любви» в машин бокал. Хозяин начал предлагать разные детективы. Подруга не выбирала, а ткнула в первый попавшийся.

Внутренне вздрогнув, Маша прошла с Полушкиным обратно на кухню. Чахохбили воняло не на шутку. Она, чтобы хоть как-то перебить запах, пригубила вина. Потом выпила и попросила еще.

Полушкин нес какую-то несусветную околонаучную чушь. Через полчаса Маша почувствовала, что не такой уж он и отвратительный. Еще через пятнадцать минут она уже заморожено слушала ученый бред. Даже запах чахохбили стал незаметен.

Очнувшаяся от детектива подруга ничего не могла понять, глядя на Машу, которая с большим интересом слушала этого типа. На машины глаза набежала нежная поволока. Подруга резким и не терпящим пререкания тоном стала прощаться с хозяином, и они покинули странную квартиру.

На улице Мария была молчалива и задумчива, отвечала невпопад на вопросы.

А через месяц у Полушкина с Машей всё чудесным образом сладилось. Она переехала к нему, и в квартире моментально была наведены идеальная чистота, порядок и уют. Ученый теперь ежедневно лакомился домашними блинами, разными печеностями и

солениями. Мария оказалась очень хорошей хозяйкой, и вела дом красиво и умело. Поженились они спустя два месяца.

Через год они поменяли квартиру на более просторную на Набережной с видом на реку и горы. Жизнь потекла спокойной и полноводной рекой семейного счастья. Мария была покладистой, доброй и ласковой женой. Все шло почти естественным чередом, не считая периодически добавляемую крупицу Эликсира. Супруги стали задумываться о потомстве.

Их покой прервал вдруг начавшийся ремонт в соседней квартире. Почти сутками там что-то пилили, строгали и прибивали. Длилось это несчастье месяц, а потом как-то разом оборвалось и исчезло, будто его и не было.

В их квартиру позвонили, и на площадке стоял хорошо сложенный и со вкусом одетый мужчина лет сорока, который представился: «Я – Марк, ваш новый сосед, извините за причиненный вам моральный ущерб и неудобства» И он подобно магу извлек неизвестно откуда дивной красоты розу и вручил цветок Маше. Полушкину крепко пожал руку. И пригласил онемевших супругов осмотреть его квартиру и принять по стопочке, встряхнув шелковистыми длинными черными волосами над благородным лицом с карими глазами.

Квартира соседа была отделана с тонким и изящным вкусом. Проведя соседей в просторную гостиную и усадив на белый кожаный диван, Марк как-то очень эстетично налил в кремового цвета рюмочки «Хеннеси». Наклоняясь, нырнул взглядом в ложбинку машиной груди, а затем прямо и нежно взглянул ей в глаза. Её бросило в жар, но она не показала вида, хотя пол плыл под ней, и она сидела как в тумане.

Пробыли Полушкины в гостях недолго. Прощаясь, воспитанный сосед провел своим ласкающим взглядом по машиной ножке, высунувшейся из нектати распахнувшегося чуть халатика. По ногам Маши пробежали какие-то необычные мурашки, и стало нечем дышать. Она не могла понять, что с ней происходит.

Законный муж, вернувшись от соседа, дал в этот день любимой жене двойную дозу чудозелья. И смотрел ей неотрывно в глаза. Всё было хорошо! Но в эту ночь Маша была как-то особо страстна.

Как «Это» произошло, Маша не поняла сама. Встречая в подъезде Марка, у неё немели ноги, и она смотрела молча на него, не отводя взгляда. И когда он чуть подтолкнул её рукой, то она последовала за ним как замороженная и отдалась ему без единого вопроса. Пропутешествовав на седьмое небо от сыпавшихся приливов женской страсти, она с трудом вернулась на землю.

С неделю Маша была как бы не в себе, и престала носить под халатиком нижнее белье, чего очень долго ждал Полушкин и чему весьма удивился, но всё списал на двойную дозу.

Тайна открылась очень быстро. Муж столкнулся с выплывающей в нежной неге супругой в дверях соседа. Маша и объяснять ничего не стала. В эту ночь Полушкин словно гвозди вбивал в жену в томительно-ревностном отчаянии. А жена безучастно смотрела в потолок.

А ночью Полушкин сидел на кухне в трусах, на него «рухнуло небо», и жизнь потеряла всякий смысл. Он горько и бессмысленно сожалел, что нет такого средства на свете, которое бы могло победить любовь. Не синтезировал никто. Всего лишь любовь-страсть, но настоящая, оказалась сильнее искусственной. А о любви, которая есть слияние душ, он и понятия не имел. Теперь предстояло «танго втроем», и к этому он не был готов, сознание его медленно погружалось во мрак....